

Призрак оперы

Репортаж из закулисья Мариинского театра

Сцена здесь, как и во многих старинных театрах, расположена под наклоном, чтобы зрителям было лучше видно. От этого кажется, что зал притягивает как магнитом, — странное ощущение. Впрочем, многое здесь, за кулисами, не так, как в обыденной жизни.

Фигура в белом

Узкая винтовая лестница со сценических входов ведет в подвалы, которые здесь, как на корабле, называют трюмом. В известном романе Леру о тайнах Парижской оперы именно в театральном подвале обитал призрак. А если верить петербургскому альманаху 1873 года «Зеркало тайных наук», в Мариинке он тоже есть: в старину в темных закоулках театра не раз мелькала «фигура в белом».

Нынешние его обитатели утверждают, что призрака не видели. Но все-таки опутанный проводами темный трюм Мариинки — как раз то место, где чаще всего можно встретить волшебные существа. Дело в том, что там находится вся шквальная машинерия и специальные люки с раздвижными дверцами. Под люками — деревянные площадки-подъемники, на которых «из-под земли» на сцене появляются сказочные герои или, наоборот, проваливаются в преисподнюю. Потом они, пригнувшись, быстро проходят по слабо освещенному дощатому коридорчику и по узкой винтовой лесенке поднимаются наверх, в один из карманов сцены.

Эти карманы совсем небольшие. Даже трудно себе представить, как тут помещается оркестр или хор, когда по сюжету они должны некоторое время переждать за кулисами. Михаил Шемякин как-то сказал, что сцена и закулисье Мариинки предназначены, скорее, для домашних постановок. Их размеры совпадают с художника, и людей, работающих над оформлением спектакля: то и дело приходится решать, что и под каким углом обрезать, чтобы поместилось.

Декорации крепят на специальных штативах, которые спускаются сверху. Процесс сложный и дашный: монтировщики ходят с шлангами, чертёжками. Одна из самых трудоемких постановок — валгеровская тетралогия «Кольцо нибелунгов», где приходится устанавливать огромных колоссов-великанов из специального прозрачного пластика.

Декорации скрывают настоящий задник сцены — кирпичную кладку черного цвета с яркими проемами, сохраняющуюся еще с середины XIX века. За этой стеной висят огромные темные колокола, которые звучали и в опере Глинки

«Жизнь за царя», которой открывался Мариинский театр, и в «Борисе Годунове», в операх Верди.

Кофе для феи

Запутанные коридоры Мариинки с какими-то странными закоулками, площадками и лесенками напоминают лабиринт. У тех, кто попадает сюда впервые, да еще без провожатого, появляется ощущение, что быстро отсюда не выберешься. Зато можно увидеть театр изнутри, заглянув в самые разные его уголки.

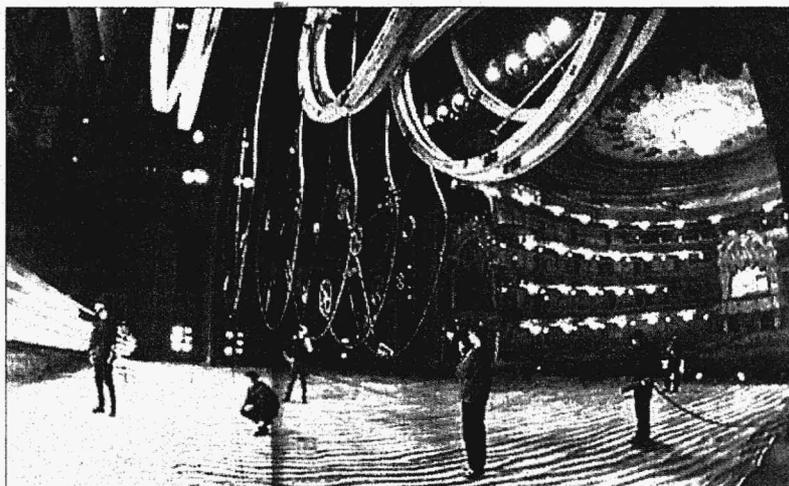
Самое понятное место — это, конечно, закулисное кафе. Берете чашечку кофе, переводите дух. Однако скоро вас покидает ощущение, что тут все обычно. Для артистов, которые в перерыве заходят сюда перекусить, по громкой связи транслируются объявления помощника режиссера, ведущего спектакль. Иногда можно услышать такое: «Труды, на сцену!» или «Проститутки, ваш выход через три минуты!». Часто артисты появляются в кафе уже загримированными, в костюмах и париках. Увидев валгеровские черные лица в африканских одеждах, с огромными головными уборами, которые не раз заденут вас полями своих причудливых шляп, вы быстро и прочно со своей кофе и, бросив взгляд на прекрасную фею, заказывающую «маленький двойной», поспешите дальше.

Один из коридоров непре-

менно приведет вас к старой нотной библиотеке. Сейчас тут хранится только передвижной фонд, то есть то, что требуется для текущих постановок. А вот уникальное хранилище Мариинки с ценнейшей коллекцией нотных записей находится на улице Зодчего Росси. Валерий Гергиев любит возвращаться к самым первым, композиторским редакциям, поэтому у архивных специалистов работы много. Так, в прошлом году по рукописному экземпляру 1876 года здесь восстановили оригинальную партитуру балета Людвиг Минкус «Балдерка».

Кот, ослик и крыса

Из окон одного из коридоров открывается прекрасный вид на крышу Мариинки, по которым любит гулять театральный кот Шура. Он здесь живет давно и в отличие от котов в драматических театрах на сцену — ни-ни! Шура — флиртёр и всеобщий любимец. Тем более что животные появляются в Мариинке не часто. Как-то в «Дон Кихоте» играл послушный, благовопитанный ослик, а вот лошадь в «Воине и мире» оказалась с пороком. Иногда в спектаклях участвуют ирландские животные — например, огромные крысы из швейцарского «Шеллунгика». Они «живут» в буфетной. Весь театральный реквизит здесь хранится в больших ящиках, а когда готовят спектакль, его складывают в большие тележки — точно такие, как в



Декорации, как правило, скрывают настоящий задник сцены — кирпичную кладку черного цвета

универсамах. — и вывозят на сцену. Впрочем, некоторые вещи в ящики не помещаются и лежат отдельно: гипсовые лебеди на колесиках, опахала для «Аиды» и «Балдерки», фанерные красные знамена для «Семена Котля», коты, штыри и мечи.

А в костюмерной в необыкновенной тесноте дуют надругом висят роскошные бюджетные пачки, пыльные наряды и сказочные костюмы. Сохранились даже раритеты — например, платье коша XIX века, в котором, по преданию, в балете «Причал кораллы» танцевала сестра Кисеиловской.

Отсюда идет лесенка на самый верх, но как таковых чердаков в Мариинке нет. Зато под самым куполом, в просторном, светлом помещении с потусклыми окошками — пыльный зал. Тот самый, в котором Александр Головин расписывал декорации. Сейчас тут тоже расписывают мягкие декорации, разложив огромные полотна на полу.

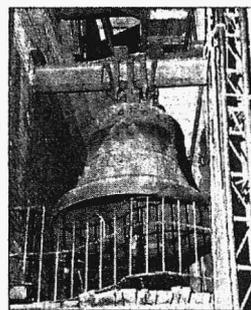
Один из мостиков при спуске вниз ведет к «Люстровой галерее». Она проходит вдоль всего задника высоко-высоко над сценой, среди кабатов, барабанов, каких-то хитроумных приспособлений и прочей верхней машинерии. Пройдя по нему, вы окажетесь на очередной лестнице, поплутаете немного и увидите в длинный коридор рядом с оперным управлением, который обитатели театра называют «метро».

Здесь — единственное во всем здании место для курения. Огня в театре бояться больше всего: в 40-е годы XIX века на месте Мариинки был конный двор, потом он сгорел, и построили императорский театр. Уроки истории тут предпочтительнее не забывать...

Танцующие девы

Из «метро» легко можно попасть в фойе, а оттуда — в многозальный зрительный зал, который считается самым ярким театральным залом Европы. Наверное, из-за его голубого цвета. Ведь традиционное оформление императорских театров — нарядный красный бархат. А тут — цвет неба и мечты.

В пустом зале впечатление от театра шиве, чем во время спектакля. Несмотря на время, когда зала и сцены, тут присутствует робкая аура, создающая, наверное, усиленно многими талантливыми людьми, работавшими в Мариинском и 50, и 100 лет назад. Связь с ними не исчезает, и перекличка с прошлым возникает зачастую совершенно неожиданно. «Бывают страшные сочинения, — рассказывает ведущий редактор пресс-службы Оксана Токрянова. — Готовим пресс-релиз, смотрим историю спектакля и поражаемся совпа-



Огромные темные колокола звучали в опере Глинки «Жизнь за царя», которой открывался Мариинский театр

дениями. У нас есть певица Татьяна Павловская, исполнившая арию Татьяны в «Евгении Онегине». Так вот, оказывается, сто с лишним лет назад здесь пела ее однофамилица — Эмилиа Павловская. И подобные вещи случаются очень часто».

Осветители, сидевшие на пустой сцене, пробовали новую аппаратуру. Они направили разноцветные лучи на потолок, и тогда оживали не только хрустальная люстра, но и чудесный живописный шифрон, вышпанный по эскизам Кокоше Духин — знаменитого величинского мастера, умершего в Петербурге. Свет мягко переходил от синего к бирюзовому, желтому, красному, и совершенно неожиданно было уловить момент, когда он менялся. От этого казалось, что нарисованные дены действительно кружатся в танце.

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФОТО ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ТЕАТРА МАРИИНСКОГО



Костюмерный цех

В июне ММ-2003 - 17 июля - С. 7.